



# МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ОФИЦЕРОВ

ЗА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО РОДИНЫ!



Сайт: [www.msso-hovrin.ru](http://www.msso-hovrin.ru)

## Вывод советских войск из Афганистана глазами участника и очевидца.



С мая 1988 года начался вывод советских войск из республики Афганистан. В первую очередь выходили тыловые части и подразделения, военные специалисты и советники, затем боевые. Позиции, часть военной техники, боеприпасов и вооружения передавались афганской армии. В этот же период в страну хлынула двухмиллиардная (в рублях) безвозмездная помощь Советского Союза и стран соцлагеря народу ДРА. Конечно же, как это часто бывает в странах Востока, эта помощь беззастенчиво разворовывалась и оказывалась в лавках местных торговцев, но кое-что доходило и до народа. Официально я выступал в качестве советника по связям советской армии с местным населением. Располагались мы в столице самой маленькой провинции страны (Каписса), посёлке Гульбахар, который находился на входе в ущелье Панджшер, логове знаменитого полевого командира Ахмад Шаха Масуда.

Советское военное командование от планов физического уничтожения Масуда и разгрома его формирований решило перейти к мирным переговорам с ним. Связано это было с тем, что основные силы этого полевого командира находились на территории от Саланга до Термеза, т.е. реально могли повлиять на безопасность выводимых войск.

Наша группа была в довольно выгодном положении, находясь вблизи ущелья Панджшер и перевала Саланг. Все готовились к выводу наших войск,



в том числе и наши связи среди местного населения. Одни бежали в Кабул, другие приобретали членские билеты Исламской Партии Афганистана Хекматъяра (ИПА), другие, - Исламского Общества Афганистана Рабани (ИОА), третьи, - Исламского Общества Афганистана Панджшер Ахмад Шаха (ИОАП). Большинство моих коллег из Кабула и периферийных точек до Саланга убыли на Родину. Мы, как могли, укрепляли связи с местным населением, особенно жалко было вечно голодных сопливых детей, которые толпами бегали за нами с криками: «Мушавер, дай трассер». Я им обычно отвечал: «Конечно, только запускайте при мне». Они тут же выкидывали из патронов пули и поджигали оставшийся порох, получался разноцветный салют. У губернатора провинции Марома мы брали безвозмездную помощь и распределяли её, в основном, среди детей и самых нищих семей. За несколько бутылок «Сабониса» (так называли большие бутылки водки производимой в Пакистане) у наших тыловиков мы брали мешки с мукой и через имама мечети в Нижнем Гульбахаре мука распределялась среди самых обездоленных. Боевики были недовольны таким сотрудничеством с нами, но терпели, так как у них самих были голодные семьи. Интересная была ситуация: с утра сотни рабочих из окрестных кишлаков шли в Гульбахар, в том числе и боевики, чтобы работать на единственной в стране текстильной фабрике, а ночью последние брали в руки оружие и шли воевать.

В конце ноября 1988 года Ахмад Шах наконец-то согласился на встречу с нами в той части Нижнего Гульбахара, которая находилась ближе к Панджшеру и ночью нашими войсками не контролировалась.

Вскоре из Кабула прибыла группа представителей от нашей стороны с письмом Ахмад Шаху с мирными предложениями, подписанное послом (он же заместитель министра иностранных дел); представителем Советской Армии генералом Варенниковым; представителем КГБ, генералом Зайцевым. В команде участников переговоров был и я, как человек организовавший их. Ахмад Шах (как он передал) не смог присутствовать на переговорах. Его замещал шеф по безопасности региона, Зигрулло. Мы передали послание советской стороны, попили чаю и разошлись. Эту встречу как раз удалось организовать с помощью моего друга имама мечети.

Но какого же было моё удивление, когда через несколько дней после неудачной попытки встретиться с Ахмад Шахом в Панджшере (в последний момент, когда в нижнем Гульбахаре я уже готовился выехать на встречу с ним, он внезапно отменил её), приезжает ко мне на точку такси присланное имамом с посланником от Масуда, который передал нам ответ на предложение Советской стороны. В нем, в частности говорилось: «Мы соседи, а соседи должны жить в

мире и дружбе» и выражал готовность к мирным переговорам. Мой переводчик перевел ответ Ахмад Шаха и мы отправили его в Центр, в Кабул. Все знали, что Масуд любит оружие и вот, с разрешения генерала Варенникова мне прислали из Кабула пистолет-пулемет Стечкина для передачи ему в качестве подарка. Вскоре мы передали ему ППС, правда снова Ахмад Шах избежал личной встречи, но после получения подарка, все-таки назначил личную встречу со мной в окрестностях Саланга. Но и эта встреча с ним не состоялась по следующим причинам: Ахмад Шах прислал за мной такси-Уазик с сопровождающим. Как только мы с переводчиком сели в такси и оно тронулось, с поста правительственных войск, который был неподалеку, раздалась автоматная очередь по нашей машине. Пять пуль прошили машину сзади и вышли через лобовое стекло, не задев ни одного из 4 человек. И второй раз я услышал: «Фёдорыч, ты родился в рубашке». Первый раз мне это сказал комбат расположенного рядом батальона, когда по прибытию из Кабула во время прыжка с брони, раздался сильнейший взрыв мины в районе воздухозаборника. Из фундаментов здания, где мы располагались, и дувала были вырваны огромные валуны, бронелюки БТР были сорваны и улетели на десятки метров. Я и водитель моего коллеги из Панджшера были в полете и чудом не пострадали, только получили контузии. Доли секунды спасли нас.

Вернемся к инциденту у поста правительственных войск Наджибуллы. Выйдя из такси, я приказал дать очередь из КТВП в воздух и направить пулемет на пост. Вскоре подоспела полковая разведка. Стрелявший объяснил, что принял моего переводчика за душмана (он был таджик с черной густой бородой). Никто не пострадал, но встреча с Масудом была сорвана и, я думаю, преднамеренно.

А тем временем наступил момент вывода Советских войск и войск Наджибуллы из Гульбахара. Выводу предшествовал переход роты Министерства Государственной Безопасности (МГБ) вместе с командованием на сторону боевиков ИПА. Перед выводом войск у меня было несколько встреч с представителями моджахедов, они говорили, что «шурави мы выпустим без боя, а вот части правительственной армии, - нет». Пришлось их убеждать и говорить, что правительственные войска, - наши союзники и нападение на них вызовет наш вооруженный отпор. Переговоры проходили 29 и 30 декабря 1988 года. Связная боевиков, женщина под 2 метра ростом, то и дела ходила в Нижний Гульбахар для консультации с моджахедами. Наконец, соглашение было достигнуто и 31 декабря правительственные войска начали покидать Гульбахар. Войска Наджибуллы еще не успели покинуть поселок, а боевики Ахмад Шаха и местные мародеры уже начали занимать и грабить брошенные дома. То и дело, там гремели взрывы мин-ловушек и гранат-растяжек, оставленных уходящими. И только в 22:00 31 декабря 1988 года мы смогли покинуть Гульбахар (правительственные войска благополучно

были выведены) и прибыли в Джабаль-Уссарадж, что на входе в Саланг. Меня пригласили отметить Новый Год, но я свалился от усталости и отказался.

Во время передислокации в Джабаль-Уссарадж мы встретились с адмиралом Михайловым, заместителем Епишева. Адмирал поблагодарил за проделанную работу и заявил: «Если Вы также обеспечите мирный вывод советских войск через Саланг, Герой Советского Союза Вам обеспечен». Забегая вперед скажу, что мирный вывод наших войск был обеспечен, но звезды Героя я так и не получил (видимо потому, что без стрельбы не обошлось, но она велась только с нашей стороны). Продолжались переговоры и с Масудом. Вдоль дороги на Саланг располагались боевики Хекматьяра и Ахмад Шаха. Первые были с юго-западной стороны, вторые с северо-восточной. ИПАшники рвались в район Саланга, чтобы напасть там на наши войска, бойцы Масуда не давали им пересечь дорогу и выйти к Салангу, выполняя мирные договоренности с нами.

Как недавно заявил в интервью генерал Громов, что проведенные в декабре 1988 года авиаудары нашей авиации в районе Саланга и Панджшера были несвоевременными и неэффективными. На второй день моего прибытия в Джабаль-Уссарадже мне показали их результаты. Вместо боевиков наши «доблестные» авиаторы скинули полутонную бомбу в расположении советского полка. Я видел эту огромную воронку и туалет без задней стенки, чудом устоявший на краю. Познакомился и с капитаном, который был в это время в туалете и чудом не пострадал. Не пострадали и боевики, укрывшиеся в естественных и искусственных горных пещерах. Я не согласен с Громовым насчет нападения боевиков на наши войска после этого авианалёта, таких нападений на перевале Саланг не было. Наоборот, боевики Масуда, закинув за спину автоматы, выходили из укрытий и толкали нашу технику, скользящую по обледенелой дороге (в это время там стояли небывалые для этих мест морозы).

Однако переговоры с Масудом продолжались. Советская сторона решила пойти на неординарный шаг и сделать Ахмад Шаху неожиданное предложение: взять вместе с войсками Наджибуллы под контроль перевал Саланг на время вывода советских войск. Мною через друга, имама мечети в Нижнем Гульбахаре, такая встреча была организована. Военные во главе с генералом Кривошеевым постарались меня отстранить от участие в переговорах (я был рядом, но в переговорах не участвовал). Переговоры прошли успешно, но как всегда, Ахмад Шах лично на встречу не прибыл, сославшись на боевые действия в районе Файзабада.

Наша сторона оставила частоту, по которой Масуд должен был дать ответ. И вот приходит от Ахмад Шаха телеграмма (её перевел мой переводчик): «мушавер

Борис, охранять Саланг вместе с войсками Наджибуллы мы не будем, но и не будем препятствовать выводу войск шурави» (примерно так). Представители Советской Армии ошеломленно начали спрашивать друг друга: «а кто это мушавер Борис?». Ведь Ахмад Шах обратился не к советскому правительству, не к Командованию Советской Армии а ко мне лично. Пришлось «скромно» сказать: «это я». Переговоры состоялись в конце января 1989 года. Как видно из дальнейших шагов нашего Руководства, такой ответ Масуда его не удовлетворил. 1 февраля по позициям моджахедов и кишлакам в районе Саланга был нанесен удар. Впервые была использована установка «Буратино» со снарядами объемного взрыва. После прохода «Буратино», прилегающие к дороге кишлаки были усыпаны трупами мирных жителей, в основном детей. Отряды боевиков были заранее выведены в горы, у них тоже работала разведка. Оставшиеся в живых жители выложили вдоль дороги десятки трупов детей, а командир того самого отряда моджахедов, который участвовал в переговорах с нашими военными и помогал вместе со своими бойцами вытаскивать нашу технику и автомобили выложил у дороги трупы своей многочисленной семьи. Картина была ужасная, а учиненная советскими войсками бойня бессмысленной. Несмотря даже на это, Ахмад Шах не нападал на наши войска. Конечно же, наши военные действовали по всем правилам военного искусства и доверять боевикам полностью не могли, но горький осадок все-таки остался.

Пятого февраля 1989 года тронулась из Джабаль-Уссараджа и наша группа, 7 февраля я был уже в Ташкенте, а 9 февраля мои дочери встречали меня в Москве. Родина встретила меня неприветливо: 7 человек моей семьи по-прежнему продолжали жить в 28 квадратных метрах жилой площади двухкомнатной квартиры, среди них двое маленьких детей. Обещанного Героя Советского Союза так и не дали. За контузию также был положен орден «Красной Звезды» и денежное вознаграждение. Но это надо было соответственно оформить, у меня же не было возможности. В 48 лет я ушел на пенсию с горьким осадком на душе. Единственно, за что я благодарил судьбу, что вернулся домой на полгода раньше, контуженный, но живой и что мои усилия и мирные переговоры с Ахмад Шахом Масудом спасли многие жизни наших солдат и офицеров из выводимого контингента Советских Войск.

Участник войны в Афганистане, капитан I-го ранга Б.Ф. Еременко (Бугаев).